

Истории людей «Родины»

Интервью взял Михаил Вяткин

Историческая тема сегодня очень популярна в российской прессе. Журналисты и читатели федеральных, региональных изданий живо интересуются и событиями сравнительно недавних лет, и тем, что происходило в их городах и сёлах сто и более лет назад. Гость нашего журнала — заместитель главного редактора «Российской газеты», шеф-редактор журнала «Родина» Игорь Коц

ИГОРЬ КОЦ:
«В ЦЕНТРЕ ЛЮБОЙ
ЗАМЕТКИ ЛЮБОГО
НОМЕРА
МЫ СТАРАЕМСЯ
ПОСТАВИТЬ
ЧЕЛОВЕКА,
ЕГО СУДЬБУ»

Игорь Александрович, журнал «Родина» сегодня — одно из самых популярных исторических изданий в нашей стране. Как этого удалось добиться и чем, на ваш взгляд, опыт «Родины» может быть полезен региональным журналистам?

У «Родины» солидный возраст — недавно нам исполнилось 140 лет и хорошие гены: до революции журнал пользовался огромной популярностью. В 1917 году, конечно, был закрыт. Вернулся к читателям уже во время перестройки в 1989 году. Мне тогда посчастливилось работать дальневосточным собкором «Родины», где главным редактором был Владимир Долматов; до этого мы с ним вместе собкорили в «Советской России».

Тираж «Родины» доходил до 200 тысяч экземпляров, по тематике журнал успешно конкурировал с «Огоньком». Публиковали статьи не только по истории, писали обо всём на свете: от проблемы Южных Курил и боёв на озере Хасан до мытарств моряков заграничавания. В общем, это был классический общественно-политический журнал для массового чтения. В таком виде он просуществовал до конца 1990-х годов. А потом «Родина» вошла в список ВАКа, стала чисто научным изданием, со всеми вытекающими последствиями. В журнале стали печататься исключительно учёные — и, соответственно, не специалисту читать это стало тяжело. Тираж неуклонно падал.

Всё кончилось тем, что в верхах созрело решение: журнал необходимо реформировать. В 2014 году его передали в «Российскую газету», главный редактор Владислав Фронин решил, что редакционную команду необходимо обновить. На роль шеф-редактора он пригласил меня, под его руководством мне довелось работать ещё в «Комсомольской правде».

Я подобрал новых дизайнеров, фоторедактора, технических специалистов. Но оставил лучших сотрудников из прежнего состава — людей с научными степенями. Семён Экштут, доктор философских наук, стал моим заместителем; молодой доктор исторических наук Андрей Ганин (когда он защищался, ему и 35 не было) и кандидат исторических наук Андрей Смирнов взяли на себя всю организационную работу по линии ВАКа и «закрыли» военную тему — оба специализируются в ней, оба блестящие специалисты. В итоге получи-

лась очень компактная редакция — всего десять человек. Они и взялись решать поставленную задачу по перезапуску журнала — из узкокорпоративного научного издания в издание для массового читателя. Но с сохранением ВАКовского статуса — в этом была главная сложность.

Мы полностью поменяли и дизайн, и содержание. Уже выпустили более полусотни номеров, шестидесятый должен выйти в феврале 2020 года. Когда начинали, тираж был 8 с половиной тысяч экземпляров, сейчас — 27 с половиной тысяч. В наше время расти бумажным СМИ непросто, но у нас есть определённые планы, идеи и, главное, мощная структура «Российской газеты», которая занимается всеми вопросами развития «Родины». Чем история может быть интересна региональным журналистам? Да тем же, что и столичным. Посмотрите, сколько людей выходит на марши Бессмертного полка — и в мегаполисах, и в крохотных деревеньках! Если это региональным коллегам поможет, попробую сформулировать, чем история интересна «Родине», что нас отличает и выделяет среди других исторических журналов. Мы избрали свой путь — рассказываем не историю событий, а истории людей. В центре любой заметки мы стараемся поставить человека, его Судьбу на переломах Истории. Но это полдела — важно рассказать о герое так, чтобы не вызвать у читателя скуку.

У нас в редакции есть запрещённый жанр «Википедия», это когда долго-долго описывается биография человека, от рождения до смерти, со всеми перипетиями. Рассказывать иначе, чтобы цепляло за душу, — трудно. Поэтому мы очень трепетно относимся к выбору авторов. Напечататься в журнале «Родина» — довольно-таки непростая задача. И когда мы возрождали интерес к нашему журналу, постарались оживить и подключить лучшие старые связи.

Вот, например, журналист и писатель Геннадий Бочаров, которого многие справедливо считают лучшим репортером XX века. Он пишет для нас совершенно потрясающие тексты — и о своём военном донбасском детстве, и о судьбе своих легендарных героев, про которые многие десятилетия уже никто не вспоминает. У нас печатается знаменитый военкор Владимир Снегирёв, который

получил известность ещё в 1970-е в «Комсомольской правде». Мы публикуем многих известных учёных. В том числе и тех, кто имеет свою особенную точку зрения, например, «самый оспариваемый российский историк» Борис Миронов. Он уже много лет воюет с историческим истеблишментом, все эти годы его поддерживает «Родина». А доктор экономических наук Яков Миркин, замечательный публицист, выступает в каждом номере журнала с неожиданными историческими эссе, ведёт у нас персональную рубрику.

У меня была поначалу фобия, связанная с редактированием научных текстов. Одно дело, когда правишь своих коллег. Совсем другое, когда перед тобой материал, присланный академиком или доктором наук. Ведь они привыкли писать не для простых читателей, а для своего учёного окружения. И формат у них свой, и стилистика. Как правило, очень длинное вступление. А уж объём...

Человек присылает 40 тысяч знаков, а нам в номер нужно 10, ну, от силы 15 тысяч. Но деваться некуда, я и коллеги были вынуждены их редактировать, хотя заслуженные авторы к подобному совсем не привыкли. Но вскоре они сами стали благодарить редакцию и писать более компактно. Поняли, что теперь их читает куда большая аудитория. Пошли отклики, к чему учёные тоже не привыкли. Читатель задаёт вопрос, доктор наук ему отвечает. И собеседники довольны, и редактор, который ставит такую переписку в номер.

Вообще с учёными интересная получилась история. Вначале я считал, что ВАКовский статус журнала — наша беда. А получилось наоборот — это большое наше счастье. У «Родины» нет проблемы с поступлением текстов, редакционный портфель всегда полон. И мы имеем возможность выбирать лучшее. Поэтому две тетрадки каждого номера — научно-популярная и чисто научная — конкурируют между собой. А выигрывает от этого читатель, на которого заточена вся редакционная политика.

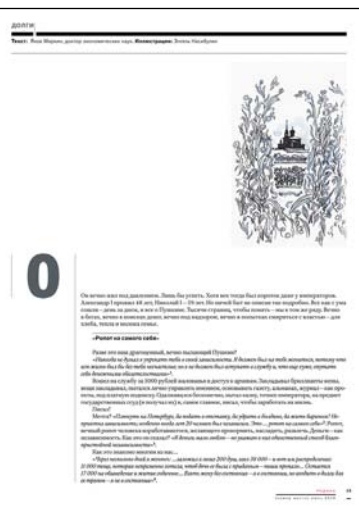
Ведь главный наш расчёт — на подписчика, розничная цена на глянцевого журнала многим не по карману. Я бы, например, крепко подумал, прежде чем покупать журнал за 250 — 300 рублей. В киосках аэропортов и вокзалов он и того дороже.

А подписка — это надёжность и постоянство. Ставку мы делаем на наших самых благодарных читателей, учителей, библиотекарей. Им наш журнал нужен не только для чтения. «Родина» — их собеседник. Они используют наши выпуски как учебные пособия, снимают фильмы по журнальным публикациям.

Вот для примера одна история, которая меня просто пробила. В прошлом году мы сильно заружились с сайтом «Прожито» — <https://prozhito.org/>, на котором публикуются личные дневники наших соотечественников. Сайт ведёт кандидат исторических наук Миша Мельниченко (он просит называть себя именно Мишей). Кстати, он автор замечательной монографии «Советский анекдот. Указатель сюжетов». Так вот, на сайте «Прожито» опубликовано уже около двух тысяч дневников, от начала XIX века и до второй половины XX века. Потрясающие документы! И мы для каждого номера журнала делаем подборки из материалов, опубликованных в «Прожито».

Когда готовили номер по ленинградской блокаде, я обратился к Мише с вопросом: «Сможете подобрать дневники блокадников — учителей и школьников?» И он сделал для нас подборку «Зимняки» — так этих несчастных называли. Её без слёз читать было нельзя. А в одной пермской школе сделали фильм, где нынешние школьники читают на камеру отрывки из этих дневников. Авторы очень хорошо всё смонтировали. У всех, кто смотрел фильм, — мокрые глаза. Вот тогда я и понял, что школьники — это тоже наша целевая аудитория.

Если бы меня спросили: «Какая у тебя, редактора, мечта? — ответил бы: «Чтобы журнал "Родина" был в каждой школьной библиотеке». И не потому, что это увеличит наш тираж, хотя и это — важно. А потому, что в этом смысл нашей работы. Особенно учитывая ситуацию с Историей и в школах наших, и в обществе. Но в школьных бюджетах такая статья, увы, не предусмотрена. Вот почему наша редакция стоя аплодирует правительству Москвы, которое в конце прошлого года организовало годовую подписку на «Родину» всем школьным библиотекам столицы.

Семён Экштут в центре, с паровозом

Вы упомянули, что приглашаете разных авторов. А есть ли среди них молодые авторы и авторы из регионов?

Конечно! «Родина» не закрытый клуб, мы рады любым авторам. И журнал наш — совсем не московский. Самая что ни на есть региональная рубрика — «ДОРОГИ РОДИНЫ». В первом номере 2020 года дали публикацию из Магадана, с бывшего уранового рудника; материал прислали магаданские краеведы, которые много лет снаряжают экспедиции на развалины гулаговского лагеря. Из Хабаровского края, Приморья обязательно печатаем несколько материалов в год, там сильные ав-

торы и интереснейшая история. Много предложений из Екатеринбурга, из Перми. А что касается молодости авторов... И школьники у нас печатаются. Например, Катя Руденко, она живёт в Краматорске на Донбассе, с украинской стороны. Вначале мы познакомилась с её мамой, лирическую заметочку которой взяли из Фейсбука (кстати, мы многие темы там находим). А потом и её дочь Катя увлеклась журналистикой. С помощью редакции она попала в «Артек», на зимнюю смену. И мы опубликовали её великолепный дневник. Это была самая первая артековская смена после того, как Крым перешёл к России.

Запомнилась публикация школьника из Нижнего Тагила Володи Кольбалова, раскопавшего историю своего погибшего в немецком концлагере дедушки. Причём работа была сделана исключительно профессионально: документы подобраны, всё расставлено по местам, всё проанализировано. Мы узнали про этого Володю, когда встречались с читателями в Нижнем Тагиле. Встаёт из зала паренёк: мол, у меня есть такое исследование, я его на школьную олимпиаду послал. Мы ему сразу: и нам пришли!

Как журналисту приниматься за материал по исторической теме? Что бы вы посоветовали региональным коллегам?

Часто материалы по истории представляются как скучная обяловка. Грядёт очередная годовщина, редакции получают под это финансирование и к сроку отработывают заказ. Только никому это не интересно — ни журналистам, ни читателям. Мне кажется, нашему брату надо немного переформатировать свои мозги. И начать относиться к истории, как к захватывающему приключению, как к очень интересной профессиональной работе. Сейчас, конечно, тема номер один — 75-летие Победы. И самое первое, что надо сделать, — выяснить досконально, сколько реальных ветеранов Великой Отечественной войны живёт в твоём городе, районе, на твоей улице. Журналисты «Родины» в этом поиске постоянно. И поэтому успели записать и опубликовать беседу с Ионом Дегенем. Великим танкистом и великим поэтом. Его знаменитое стихотворение вошло в антологию лучших отечественных стихов, собранную Евгением Евтушенко:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит*

Ион Деген увидел публикацию. А через несколько месяцев скончался.

В одном из самых первых номеров обновлённой «Родины», в 2015 году, мы взяли интервью у Ас-

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА. 10.55. СНЯТО!

«РОДИНА» РАЗЫСКАЛА ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ СНИМОК ЮРИЯ ГАГАРИНА

*1.2
Тот самый снимок
и надписи на его
обороте.

Людмила Зиганшина 10.
Взяла этот снимок
моя. Они погибли
на войне. Они были
и светом в жизни.
Возвратились они,
объектив моего отца.
Вот они направляли
на войну. Они погибли.
Моя. Не забуду
этот снимок. Он мой.
Вот она.

А

Анатолий Борисович Пезарский и сейчас, вспоминая эту удивительную историю, слегка осторожничает. Известный во Владивостоке юрист, бывший начальник краевого управления юстиции, ныне преподаватель университета, профессор, он и начал наш разговор с юридического понятия «свидетель». Мал, солдат-срочник Тая Пезарский и его старенькая фотошарлат «Зенит» — всего лишь свидетели исторического события, оказавшиеся в нужное время в нужном месте. Воинская часть ПВО, Саратовская область, Деревня Сызловка.

«Под парашютом — человек!»

Вот она, самая-самая первая фотография... Юрий Гагарин уже без скафандра, в «ла-
РОДИНА 13

хата Зиганшина. В 1960 году четырёх молодых ребят (с ним были ещё Крючковский, Федотов и Поплавский), проходивших срочную службу на Дальнем Востоке, во время сильнейшего шторма унесло на барже в океан. Они там много чего натерпелись за 49 суток. Но при этом во всех ситуациях сохраняли человеческое достоинство. Михаил, вы должны помнить эту историю.

Конечно, помню. Тогда было много газетных публикаций и передач по радио, посвящённых их мытарствам и спасению. Вся страна обсуждала и переживала за ребят. А мы, школьники, уже потом, когда их спасли, распевали озорную песенку: «Зиганшин — буги, Зиганшин — рок! Зиганшин съел второй сапог...»

Да-да! Зиганшин последние годы жил под Ленинградом. Мы к нему съездили, беседа вышла потом на десять полос. Откровеннейшая! Многие вещи он рассказал впервые. И тут мы, слава богу, успели. Асхата тоже недавно не стало...

Но многие герои живы, они среди нас. Мы взяли в прошлом году интервью у Сергея Макаровича Крамаренко. Он лётчик-ас, герой Советского Союза, участник Великой Отечественной и корей-

ской войн, сбил 17 самолётов — немецких и американских. Живёт в скромной московской квартире у метро «Профсоюзная». Отыскали на Донбассе кавалера пяти медалей «За отвагу» Алексея Николаевича Воронова.

Сделали репортаж про другого донбассовца, Ивана Ивановича Усачёва. Он в мае 1945 года распечатался на Рейхстаге, его сфотографировал в этот момент фронтовой корреспондент, а через много лет снимок разлетелся миллионными тиражами на открытке в честь юбилея Победы. Мы вынесли фотографию Усачёва на обложку, свежий номер отвёз ему наш спецкор и вручил накануне Дня Победы. Через несколько месяцев Ивана Ивановича не стало...

Реальные фронтовики — скромные, не выпячивают себя. Миссия журналистов нашего поколения — успеть найти оставшихся, поговорить с ними, записать их рассказы. Потому что никакие мемуары не заменят живого человека.

Да и не писал тот же Усачёв никаких мемуаров. А нашему корреспонденту так описал технологию автографа на Рейхстаге: «Я был маленького роста, и чтобы найти свободное место для своей фамилии, уговорил водителя подогнать полуторку, отыскал кусок мела и залез на неё». Ну, где ещё, как не в разговоре по душам, вы найдёте такую деталь?

Поэтому «Родина» так бережно относится к рубрике «Домашний архив». У неё огромная почта, нам присылают семейные документы, фотографии, старые письма. Для региональных журналистов — это просто кладёшь информации. Любую пафосную громкую дату можно осветить через домашние архивы людей, не нужны какие-то особенные допуски, только желание и интерес.

В каждой семье есть своя память, свои реликвии, есть то, что бережно хранят люди и чем они готовы с тобой поделиться, ты сумеешь найти массу материалов для любой исторической темы. И это работает намного сильнее, чем сделанная для галочки «датская» публикация.

То есть работать в архивах сейчас стало гораздо свободней?

На самом деле это большой миф, что наши архивы — неприступные крепости. Всё с точностью до

наоборот. Много лет архивную рубрику в нашем журнале ведёт Андрей Сорокин, директор РГАС-ПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Года два назад он открывал в Манеже выставку, посвящённую блокаде Ленинграда. Подвёл нас тогда к стеллажам, показал совершенно потрясающие документы о блокаде, которые раньше никогда и нигде не показывали. Сорокин рассказал, что при подготовке к выставке он сам просматривал эти документы. И оказалось, что в архивном формуляре он был первым, кто их запросил. Они годами пылились в архиве и никому не были нужны.

Когда страна отмечала 100-летие революции, мы подготовили ноябрьский номер с аншлагом «публикуется впервые». Почти каждая публикация была эксклюзивна. Почти — потому что с Лениным у нас не получилось. Мы понимали, что такой номер без Владимира Ильича будет ущербным и надо накопать какую-то уникальную информацию. Искали где только можно. Тщетно! В итоге Семён Аркадьевич Экштут написал небольшую, на две с половиной странички статью «Почему наука боится Ленина?». Он скрупулёзно перечислил, какие материалы должен использовать будущий биограф Владимира Ильича. В этом перечислении даются ссылки на десятки тысяч страниц, на множество разнообразных документов, писем и т.д. Пять лет — только на то, чтобы всё это прочитать. Ещё минимум пять — чтобы переложить в единый, связный и обязательно интересно написанный текст.

Не так-то много найдётся энтузиастов, готовых потратить значительный кусок жизни на работу, результат которой может оказаться совсем не очевидным. Проще скоренько защитить диссертацию на уже отработанных темах.

Предположим, коллега из районной газеты накопал интересный материал на историческую тему. Может ли он что-то из этого вам предложить?

Если журналист считает свой материал достойным для публикации в нашем журнале, пусть обязательно присылает. Я не вру — мы читаем всю приходящую корреспонденцию. И на все письма даём ответ. Ни одна хорошая тема не остаётся без нашего внимания. Другое дело, материал может

быть плохо написан. Но тогда мы перезаказываем его, объясняем, что надо исправить. Или, в конце концов, посылаем спецкора из Москвы.

Недавно Игорь Вирабов слетал в Магадан и написал великолепный материал о премьере «Травиаты» 1945 года — в театре, где играли заключённые. Рядом с его подписью мы поставили фамилии трёх магаданских коллег, которые оказали Игорю бесценную помощь в подготовке материала. Мы не только дружески относимся к региональным коллегам, мы заинтересованы в сотрудничестве с ними. И они, кстати, тоже: у нас гонорарное издание.

Как вы стали заниматься исторической журналистикой?

Наверное, в звёздах что-то сошлось. Когда Владислав Фронин позвал меня на этот проект, я пять лет перед этим очень плотно занимался историей моей семьи. Так получилось, что от мамы остался чемодан писем, которые каждую неделю на протяжении двадцати лет она писала своим родителям во Владивосток. Когда через много лет после её ухода я открыл чемодан, то понял, какое это богатство. Начал письма перепечатывать — и одно стало цеплять за другое. Письма привели к деду, который был расстрелян в 1938 году в Хабаровске, по харбинскому делу. И о котором я ничего не знал. На Лубянке мне показали его дело. Там были названы ещё фамилии, приоткрылись разные обстоятельства, разбросавшие моих родных по всему свету. И вот я пять лет их собирал под одной обложкой. Голова была занята историей семьи и страны, очень жаль было заканчивать книжку. Сдал её в типографию — и тут последовало приглашение в редакцию исторического журнала. Всё сошлось, я ни секунды не раздумывал, с радостью взялся за новую работу.

Свои личные исторические сюжеты есть у каждого в нашей редакции. Потому мы так дружно работаем на концепцию журнала — история страны в историях людей. Коллектив единомышленников — это о «Родине».

Да, журналисту-историку нужны и заинтересованность, и увлечённость. А какие-то специальные качества, навыки требуются, чтобы браться за такую ответственную тему?

Поспорил бы насчёт того, что увлечённость — прерогатива журналиста-историка. Мне кажется, не имеет значения, чем ты занимаешься в нашей профессии — историей, культурой или жилищно-коммунальным хозяйством. Журналист всегда — либо любопытный человек, либо нет. Первый и в истории своей семьи найдёт такое, что будет интересно многим. А второй взглянет на те же факты и сплюнет: «Да ерунда всё это!»

У меня в журналистике были хорошие учителя, из тех самых любопытных. Посчастливилось ещё в студенчестве проходить практику, а потом стажировку в рабочем отделе «Комсомольской правды». Там научили трепетно обращаться с фактом, проверять и перепроверять себя. Счастлив, что в моей жизни были журналисты милостью Божьей: мой университетский преподаватель Игорь Алексеевич Илюшин, недавно ушедший великий главный редактор Михаил Фёдорович Ненашев, гениальный фельетонист Валентин Разбойников, редактор рабочего отдела «Комсомолки» Анатолий Золин, звёзды журналистики Инна Руденко, Андрей Иллеш, Владислав Фронин...

По сей день сверяюсь с учителями.

Что касается специальных навыков... Конечно, сейчас вся информация открыта, но не все знают, как её найти. А наши специалисты — волки-поисковики. Если наметилась некая тема, они сразу понимают, каким образом к ней можно подступить. Предположим, читатель присылает нам историю своего деда-фронтовика. И уже в течение нескольких часов я получаю от Семёна Аркадьевича Экштута полную раскладку по этому бойцу плюс кучу зацепок для дальнейших поисков. Это обязательное качество для профессионального историка — знать, где и как искать информацию. У таких специалистов всегда есть свой набор инструментов, который им помогает получать эксклюзив.

Возможны ли какие-то специальные учебные курсы для тех, кто хочет заниматься историей?

Подобная учёба, конечно, нужна. Мне повезло и в «Родине» работать вместе с высокими профессионалами: Экштут, Ганин, Смирнов. У них и я, можно сказать ветеран, учусь, а для молодых это было бы бесценно. Тот же Экштут — поисковик широ-

ПРЕМЬЕРА

Игорь Вирабов

ТРАВИАТА

И

З/К

МАГАДАНСКАЯ ОПЕРА
 ДЖУЗЕПPE ВЕРДИ 1945 ГОДА
 О РОКОВОЙ ЛЮБВИ
 И НЕИЗБЕЖНОСТИ СУДЬБЫ —
 В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ,
 С УВЕРТЮРОЙ
 И НЕЗАКОНЧЕННЫМ ФИНАЛОМ

УЧАСТВУЮТ:

Вioletta — Ида Варпаховская
 Альфред — Тит Яковлев
 Барон Дюфоль — Грызов
 Жермон, отец Альфреда —
 Гамид Тухватуллин.

ХУДОЖНИК Леонид Вегенер
 ДИРИЖЕР Петр Ладирдо
 ПОСТАНОВКА Леонида Варпаховского

М

Март 1945-го в Магадане начинался с минус двадцати. За окнами, по Колымской трассе, холоднее вдвое, там дождик — не выдохнешь. Но тут к премьере отлегло: на градусниках минус шесть. В театре обещали роковые страсти.

Афиша

Вход за массивными квадратными колоннами. Неуютное здание, даже роскошное. Его открыли в октябре сорок первого, когда на дальнем западе к столице подошла война. Над фасадом высоко на страже четыре трехметровые бетонные мушкетеры с автоматом ППШ, винтовкой и орудиями для глубокого бурения: партизаны с краснорыбийем и забойщица с бурьянником — дело рук з/к Георгия Лаврова, скульптора парижской школы, сотрудничавшего с привокзальными мажорами ардеко.

Шершавые подковы, кременной наст, трещало и скрипело под ногами. В унисон смычкам, которые в театре уже настроили скрипки и виолончели. День исторический. Впервые в этом зале. Опера Верди. Настоящая. «Травиата». Силами «захаров-кульмичей» из культурно-массовой бригады «Магдлага» и вальных астеров театра.

«Лазар Кузьмич», для ясности, — синоним, выдуманный десятилетиями взамен неразличительной аббревиатуры «д/к» или «з/ка», что означало: заключенный.

А «Травиата», на которую собрался весь морально стойкой партизанский могучий «Дальстрой», — это итальянское La Traviata, то есть, «падшая», «заблудшая», есть переводы погубе, но скажем деликатно: героиня-куртизанка.

Время суровое. Место, вылезло бы, не нуждалось в расслабленных сантиментах. Но в мартовские дни 1945 года магаданцы пришли на оперу — о любви, которая, даже при некоторых спёртых поворотках, всегда окажется сильнее смерти.

кого профиля, он автор многих книг о художниках. Его главная специализация — атрибутирование портретов. Например, недавно в Третьяковке проходила выставка Валентина Серова. На входе посетителей встречал портрет неизвестного военного. Семён Аркадьевич Экштут атрибутировал его по детали, которую мог заметить и оценить только профессионал экстра-класса, — на офицере была солдатская рубашка. Оттолкнувшись от этой странной детали, учёный вышел на имя, фамилию, звание — и судьбу офицера, который перестал быть неизвестным.

У Экштута недавно вышла книга, где он описывает несколько десятков подобных почти детективных историй. Когда он рассказывает о кухне своих исследований — испытываешь восхищение и профессиональную зависть...

Разумеется, организовать встречи начинающих журналистов с такими профессионалами было бы очень полезно.

Среди материалов, присылаемых из регионов на различные конкурсы, которые проводит Союз журналистов, бывают очень интересные публика-

ции или подборки на исторические темы. Порой бывает жаль, что эти находки региональных журналистов не собираются на каком-то специальном портале или в тематическом банке информации. Вы не думали на эту тему?

Да, коллеги в регионах отыскивают порой настоящие бриллианты, о которых мы в Москве никогда бы не узнали. Поэтому журналисты «Родины» мотаются по всей стране, встречаются с читателями — и привозят из каждой командировки массу удивительных тем. У людей там глаз бывает замылен, считают свои истории чем-то обыденным. А на самом деле это настоящие сенсации. И мы их печатаем. А вот чтобы собрать на одном ресурсе местные публикации... Это скорее из области мечтаний. Увы, путь от красивой идеи до воплощения всегда тернист. Могу пример привести.

В марте 2016 года я выступал на Всероссийском съезде учителей истории. Назвал своё сообщение «Герои своего времени: нестандартный подход к изучению отечественной истории». Рассказывал о великих российских изобретателях. Ведь сегодняшние школьники в большинстве своём убеждены, что все блага цивилизации пришли к нам с

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Коц Игорь Александрович.

Родился в Хабаровске в 1956 году. После окончания Дальневосточного госуниверситета работал корреспондентом, завотделом, заместителем главного редактора хабаровской газеты «Молодой дальневосточник». С 1985 года — собственный корреспондент по Дальнему Востоку в газетах «Советская Россия», «Трибуна», «Комсомольская правда», в журнале «Родина». С 1993 по 2003 год — редактор отдела, первый заместитель главного редактора «Комсомольской правды». С декабря 2003 года по ноябрь 2013 года — главный редактор газеты «Советский спорт». С ноября 2013 года — ответственный секретарь «Комсомольской правды». В ноябре 2014 года назначен заместителем главного редактора «Российской газеты», шеф-редактором журнала «Родина». В 1996 году получил звание академика Академии свободной прессы, как редактор-составитель Книги Памяти Погибших в Чечне. Возглавлял группу журналистов «КП», удостоенных премии Артёма Боровика за расследование «Тайна гибели подлодки "Курск"». Лауреат премии имени Петра Комарова за книгу «Здравствуйте, дорогие наши! Век любви моих родителей в письмах, дневниках и протоколах допросов. 1875—1971».

Запада. Но это не так. Накануне съезда «Родина» опубликовала в одном номере 20 историй (а могла бы и 50, и 100, хватило бы места) о выдающихся русских Кулибинных.

Гусеничный трактор изобрел крестьянин-самоучка Фёдор Блинов. Видеомагнитофон — крестьянин Александр Понятов. Телевизор — Владимир Зворыкин. Киноаппарат — Иосиф Тимченко. Светомузыку — Александр Скрябин. Токарный станок с суппортом — Андрей Нартов. Гипс и наркоз — Николай Пирогов. Рамочный улей — Пётр Прокорович. Стиральный порошок — Григорий Петров. Радиозонд — Пётр Молчанов.

И так далее... Выдающиеся изобретения. Яркие, авантюрные, часто трагические судьбы изобретателей. Я обратился к руководителям Министерства образования — «Родина» готова подготовить брошюру о наших кулибинцах. Но издать её хотелось бы не тысячными журнальными тиражами, а миллионными, пусть на самой дешёвой бумаге. Чтобы она была в портфеле каждого российского школьника. И на столе каждого учителя истории. Неплохая идея, согласитесь. Первыми её оценили ученики московской школы № 1411: впечатлившись публикацией, они сделали дизайнерский проект про изобретателей и украсили им школьное фойе. Ну, а от Минобра продолжаем ждать ответ. Говорят, обещанного три года ждут...

К одним и тем же историческим событиям наши люди порой относятся по-разному. Вы стараетесь придерживаться объективных позиций?

Мы не можем даже в шутку представляться дилетантами. «Родина» — ВАКовский журнал. Если вдруг начнём пороть отсебятину, это моментально заметят. Да и сейчас замечают малейшую неточность. Наш статус обязывает относиться к любому

факту на страницах журнала с полной ответственностью.

Тем более в редакции нет бюро проверки, как во многих газетах. Эту роль взяли на себя наши сотрудники с учёными степенями. Они читают все заметки номера от корки до корки. Вылавливают и «блешек», и серьезные ошибки, и фальшивки, которые тоже к нам поступают. ВАКовское издание — это серьёзная штука. Гордимся похвалой директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, который однажды сказал: "Родине" удалось совместить несовместимое — ВАКовскую научную составляющую и публицистику».

Но бывает, что при оценке каких-то исторических событий нельзя полностью довериться имеющимся документам?

На самом деле ситуации, когда трудно дать оценку событию или явлению, довольно редки. Но на этот случай у меня до последнего времени был беспроигрышный выход — в нашей редакции работал Лев Александрович Аннинский. И когда я сомневался или просто не знал, как отнестись к тому или иному факту, то обращался к нему. Лев Александрович не вставал на ту или иную сторону, но всегда находил мудрый и точный поворот темы. Единственно точный, как потом оказывалось. Светлая память Льву Санычу, нашему Есаулу, как мы звали его в редакции...

Что касается профессиональных вопросов, касающихся истории, тут я безоговорочно доверяю знаниям и опыту своих замечательных сотрудников. Они специалисты высочайшего уровня. Для редактора большая удача — работать с людьми, которые знают больше тебя.

